

Юлия Балакшина

Элементы богослужения, предназначенные для оглашаемых

В настоящее время, в связи с возрождением в Церкви традиции катехизации, остро стоит вопрос о том, как помочь людям, ищущим пути в Церковь, приобщиться к полноте церковного Предания, выражающегося, в частности, и в литургической традиции. По справедливому замечанию свящ. Георгия Кочеткова, «в древности и позже, в средние века, богослужение несло в себе множество элементов, предназначенных для неполных членов церкви, для тех, кто не входит в категорию верных», но «все эти элементы богослужения исчезли или полностью обесмыслены» в современной богослужебной практике [7, с. 115].

Три основных элемента богослужения, предназначенных для оглашаемых, — чтение Священного писания, огласительная проповедь и молитва за оглашаемых. Эти элементы, унаследованные от синагоги, составляли неотъемлемую часть христианского богослужения и до появления института катехумената. Книга Деяний свидетельствует о жизни апостольской общины: «И пребывали они постоянно в учении апостолов и в общении, в преломлении хлеба»*. Однако эти части богослужения, изначально предназначенные для внутреннего устройства и назидания церкви, приобрели особый смысл, когда появились люди, наставляемые в вере. Проф. А.П. Голубцов отмечает, что «обособление и осложнение» первой (общей, или дидактической, или гомилетической) части литургии произошло в конце II и в III вв. «под влиянием церковной дисциплины относительно оглашенных... в связи с *disciplina arcani*, или учением о неоглашаемости тайн веры и культа пред непосвященными» [4, с. 46].

* Деян 2:42

Чтение Священного писания

Литургия оглашаемых, как правило, начиналась пением гимнов и псалмов. Цель этих песнопений была двойкой: они исполнялись в ожидании прихода епископа и готовили присутствующих к таинству Слова — чтению Священного писания. Весьма убедительные размышления о подготовительной роли гимнов и псалмопения приводятся в работе протопр. Александра Шмемана «Евхаристия. Таинство Царства». Литургист отмечает, что до появления «более “ученой” гимнологии — тропарей, кондаков, стихир, в которых музыка и текст взаимно определяли друг друга, Церковь знала только два типа пения: псалмодическое, ориентированное на текст, подчиненное Слову, и мелизматическое, выражающее опыт богослужения как реального соприкосновения с трансцендентным» [15, с. 86–87]. Таким образом, пение псалмов готовило и ум, и сердце человека к встрече со Священным писанием; было, с одной стороны, боговдохновенной экзегезой, а с другой — выражением и воплощением особой духовной реальности, в которой только и возможна подлинная встреча со Словом.

Чтение Священного писания было и остается, безусловно, главной частью Литургии оглашаемых. Важность момента подчеркивается в сохранившемся сейчас литургическом чине восхождения на горнее место и возгласом «Вонмем» — «Будем внимательны». Протопр. Александр Шмеман пишет о Таинстве Слова, неразрывно связанном с Таинством Тела и Крови: «В Таинстве мы причащаемся Тому, Кто приходит и пребывает с нами в Слове, в благовестии о Ком состоит назначение Церкви. Слово полагает Таинство как свое исполнение, ибо в Таинстве Христос-Слово становится нашей жизнью. Слово собирает церковь для Своего воплощения в ней. В отрыве от Слова Таинству грозит быть воспринятым как магия, без Таинства Слову грозит быть сведенным к доктрине» [там же, с. 78].

Этот духовный опыт переживания чтения Слова как Таинства, видимо, действительно существовал в древней Церкви. Об этом свидетельствует практика не допускать оглашаемых к слушанию Евангелия. Так, в «Завещании Господа нашего Иисуса Христа» (Testamentum)¹ указано, что «оглашенные удаляются, когда для верных начинается чтение Нового завета и Евангелия».

1. М.Н. Скабалланович датирует этот документ концом III в.

М. Скабалланович считает это остатком древнейшей практики, когда «до крещения не вверялась оглашенным тайна новозаветных писаний» [11, с. 90].

«Апостольское предание» св. Ипполита Римского также позволяет предполагать, что в Римской церкви существовал обычай удаления «слушающих» перед чтением Евангелия и проповедью. Св. Ипполит Римский, в частности, пишет: «Когда будут определены намеревающиеся принять крещение, пусть исследуют их жизнь... И когда те, которые привели их, засвидетельствуют о каждом: “Он поступал именно так”, то пусть слушают Евангелие» [9, т. 2, с. 249]. Иначе говоря, слушать Евангелие могли только катехумены второго этапа — не «слушающие», а «избранные». Оглашаемые первого этапа могли присутствовать при чтении Ветхого завета и Апостолов. Обычай отпускать «слушающих» перед чтением Евангелия сохранился в Галлии до середины V в.

Однако в практике многих древних церквей катехумены допускались до слушания как Ветхого, так и Нового завета. Так, например, Ориген писал, что катехумены и кающиеся «могли находиться в Церкви во время чтения Священного писания и проповеди» [цит. по: 3, с. 121]. В Сирийской церкви, согласно «Учению апостолов», катехумены также допускались к слушанию Слова с самого начала их вхождения в церковь.

Безусловно, что подобная практика тоже имела под собой серьезные основания. Для людей, проходящих путь наставления в вере, был важен как дидактический, назидательный, так и христологический и экклезиологический смысл чтения Писания. «Исследуйте писания, ибо они свидетельствуют обо Мне»*. Слово укрепляло веру и созидало Церковь; давало новообращенным опыт общения со Христом, было семенем и закваской, изнутри менявшим жизнь катехуменов.

Обычно на Литургии оглашаемых читалось три отрывка из Священного писания: из Ветхого завета, из Апостолов, из Евангелия. Однако эта общая схема сложилась только в IV в. и имела многочисленные вариации, зависящие от традиций той или иной поместной церкви. Так, «Завещание» указывает для богослужения чтения из пророков и «прочих», а затем Евангелие. «Апостольские постановления» предполагают два ветхозаветных чтения (из закона и пророков) и два или три новозаветных (из Деяний, посланий, евангелий). Сирийская и халдейская литургии чтения из Деяний иногда заменяют чтениями из соборных посланий; армянская имеет одно пророческое чтение перед

* Ин 5:39

посланиями апостольскими; коптская и эфиопская литургии не имеют ветхозаветных чтений, но перед Евангелием имеют три чтения из Нового завета (из посланий Павловых, из посланий соборных, из Деяний).

Проповедь

Огласительная проповедь могла звучать как во время самой литургии, так и после нее, или вообще в особое время и в особом месте.

Так, в IV в. на Востоке, когда двухэтапная катехизация достигла вершины своего расцвета, огласительная проповедь во время литургии составляла основную форму научения катехуменов первого этапа. Никаких специальных огласительных занятий с катехуменами на первом этапе не проводилось [3, с. 8]. Именно к этому времени относятся огласительные проповеди св. Иоанна Златоуста. Однако в том случае, когда проповедь звучала на литургии, ее слушателями оказывались как оглашаемые, так и верные. Это могло вызывать некоторые проблемы. С одной стороны, вопросы, поднимавшиеся в огласительной проповеди, могли быть не актуальны для воцерковленных христиан; с другой — то, в чем требовалось назидание верным, чаще всего относилось к области, еще закрытой для катехуменов. Так, в IV в., в эпоху жарких догматических споров, проповедническая кафедра была основным местом для распространения того или иного учения, и катехумены волей-неволей погружались в проблематику, закрытую для их духовного опыта. То, что самые утонченные богословские вопросы перестали составлять тайну для непосвященных, приводило к определенной профанации истин веры — проблеме, с которой столкнулась Церковь в IV в.

Богослужебная традиция, зафиксированная «Завещанием Господа нашего Иисуса Христа» (Testamentum), предполагает наличие двух проповедей: для оглашаемых и для верных. Две проповеди — одна для «слушающих», другая для «избранных» — произносились также в Западной церкви. Это было связано с практикой «передачи Символа веры». Символ веры могли знать только посвященные, его формулировка могла быть передана только устно и только тому, кто твердо решил принять крещение. Поэтому, по свидетельству св. Амвросия Медиоланского, «после чтения Писаний и проповеди, отпустив катехуменов (первого этапа)», он «объяснял Символ веры некоторым “стремящимся” в баптистерии базилики» [цит. по: 3, с. 242].

Согласно паломническим заметкам Сильвии Аквитанки, отражающим богослужебную практику Иерусалимской церкви конца IV в., проповедь на литургии была обращена главным образом к просвещаемым [5, с. 70].

В тех церквях, где оглашаемые первого этапа не присутствовали на проповеди в церкви, слово наставления звучало на особых огласительных занятиях. Архитектура многих древних храмов предполагает наличие особого места для оглашаемых, которое служило не только местом ожидания, но и местом научения. По окончании первой части литургии катехумены переходили или во внешний двор, или во внутренний притвор, или в смежное храмовое помещение, которое служило кафедрой огласительной школы.

Отличительной особенностью собственно огласительной проповеди является ее вопросо-ответный характер. Диалог между проповедующим и катехуменами может быть реальным (если проповедь звучит в условиях огласительного занятия) или риторическим (если проповедь звучит с амвона). Диалог важен, как умение понять и услышать оглашаемого, помочь раскрыться в нем действию Святого Духа. На втором этапе проповеди могли обретать характер небольших бесед, построенных вокруг четырех основных христианских текстов: заповеди Моисея, заповеди блаженств, Символ веры, «Отче наш». Такие беседы (св. Иоанна Златоуста, св. Кирилла Иерусалимского), как правило, складывались в определенную систему и были снабжены большим количеством цитат из Священного писания.

Начиная с III в. проповеди произносились в первую очередь епископами. По словам св. Иоанна Златоуста, способность к учительству в епископе должна быть прежде всего. Согласно 19-му правилу Лаодикийского собора (364 г.), молитва оглашаемых звучала после «бесед епископских» [там же, с. 191]. Традиция епископской проповеди, с точки зрения М. Скабаллановича, восходила к апостолам — главным служителям Слова. Однако первоначально епископское служение в церкви воспринималось скорее как служение управления, а к проповеди были призваны «апостолы, пророки, учителя»*.

В практике Иерусалимской церкви проповедь мог прочесть каждый из присутствовавших пресвитеров, но в конце непременно должен был выступить епископ. Проповеди в Иерусалиме были особенно длинными, в результате чего служба затягивалась иногда до 11 часов утра [3, с. 175]. «Апостольские постановления»

* 1 Кор 12:28

предписывали после чтений, и в частности после Евангелия, «пресвитерам поодиночке, а не всем сразу» увещать народ, а после всех епископу, который «подобен кормчему» [цит. по: 11, с. 194]. Будучи в сане пресвитеров, выступали с проповеднической кафедры такие видные церковные деятели, как Ориген, св. Иоанн Златоуст, блаж. Августин. Практика проповеди пресвитеров на Востоке была распространена более, чем на Западе.

В случае необходимости к проповеди могли допускаться также дьяконы и миряне. Так, по свидетельству Евсевия Кессарийского, когда Ориген удалился из Александрии в Кесарию Палестинскую, «здесь местные епископы просили его беседовать и изъяснять Священное писание всенародно в церкви, несмотря на то, что тогда он не был еще рукоположен». Однако за этой просьбой последовали нарекания со стороны Александрийского епископа Димитрия, который заявил, что «никогда неслыханно было и теперь не в обычае мирянину проповедовать в присутствии епископа» [цит. по: 11, с. 195]. Карфагенский собор 339 г. постановил: «Мирянин (laicus) да не дерзает учить в присутствии клириков, если сами не попросят его об этом» [там же].

Приведенные примеры отражают произошедший к III в. в церкви процесс деления единого народа Божьего на клириков и мирян. Может быть, именно огласительный контекст продлил еще на некоторое время существование евангельского идеала царственного священства всего народа. Так, в «Апостольском предании» Ипполита Римского говорится о праве учителей, как клириков, так и мирян, читать молитву и даже простирать руки над оглашаемыми. А в Восточных церквях частным образом позволялось заниматься оглашением, а следовательно, проповедовать даже женщинам-дьякониссам, готовящим ко крещению женщин.

Молитва

Оглашаемые присутствовали на первой части литургии, однако в общей молитве Церкви они еще не могли принимать полноценного и полноценного участия. Поэтому в чин литургии стали включаться особые молитвы для них, а точнее за них. В «Апологиях» св. Иустина Мученика († 166) сохранилось свидетельство о первом участии в литургии людей, готовящихся к крещению: «После того, как омоется таким образом уверовавший и давший свое согласие на крещение, мы ведем его к так называемым братьям

в их собрание для того, чтобы с усердием совершить общие молитвы как о себе, так и о просвещаемых и о всех других» [цит. по: 3, с. 33]. Другое раннее упоминание о допущении оглашаемых на богослужение вместе с верными находим у Климента Александрийского († 210), который также отмечает наличие особых мест для катехуменов. Тертуллиан († после 220), обличая еретиков, писал: «У них нельзя узнать, кто верный, и кто оглашенный; все они одинаково приходят во святилище, одинаково слушают, одинаково молятся» [цит. по: 3, с. 48]. Св. Ипполит Римский († 236) в «Апостольском предании» указывал: «...Оглашенные пусть молятся отдельно от верных... По окончании молитвы они не дают друг другу лобзание мира, ибо их лобзание еще не свято» [9, т. 2, с. 249].

Данные примеры свидетельствуют, что уже к концу II — началу III вв. сформировалась особая практика молитвы оглашаемых. С одной стороны, они уже приглашались в церковное собрание и в какой-то степени (зависящей от степени посвященности — от этапа оглашения) могли выражать свое желание стать членами Церкви в совместной с верными молитве. Эта совместная молитва была своего рода научением и важнейшим опытом вхождения в Церковь. Но с другой стороны, четко осознавалось, что дух общей молитвы, само церковное единство не может еще быть вполне открыто непосвященному. В тексте св. Иустина Мученика намечен и третий важный момент: поскольку немощным в вере требовалась духовная поддержка, Церковь особым образом молилась за них.

К IV в. молитвенная часть литургии, посвященная оглашаемым, целостно оформилась и стала включать три части: ектенью об оглашаемых, молитву об оглашаемых и епископское благословение (рукопростираие).

Архим. Киприан (Керн) в своей работе «Евхаристия» приводит фрагмент литургии Иоанна Златоуста, реконструированный по текстам его проповедей антиохийского периода [5, с. 71–73]. В этой реконструкции ектеня об оглашаемых, как и в известных нам восточных литургических чинах, состоит из двух частей: молитвы верных за оглашаемых и молитвы самих оглашаемых². Вначале следует молитва верных, во время которой оглашаемые

2. Следует оговорить, что те же прошения, приводимые св. Иоанном Златоустом в Слове на Второе послание к коринфянам, могли быть реконструиро-

ваны и как молитва об оглашаемых. См., например: Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви. М., 2001. С. 211.

лежат на земле. Дьякон призывает верных «помолиться прилежно» и «стать добре». Призыв к вставанию свидетельствует об особой важности этой молитвы.

Среди приводимых архим. Киприаном прошений есть те, которые закрепились в чинах литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста: дабы Господь «открыл уши сердец их и огласил их словом Истины»; «чтобы открыл им Евангелие правды»; «чтобы Он удостоил их во время благопотребное купели возрождения, оставления грехов и одежды нетления». Однако ряд прошений в известных нам восточных чинах оказался утрачен: «чтобы Он посеял страх Свой в них и утвердил веру Свою в помышлениях их»; «чтобы Он дал им дух божественный, целомудренный помысл и добродетельное житие, чтобы всегда разуметь Его, мыслить о Нем, упражняться в Нем, пребывать в законе Его день и ночь, помнить заповеди Его и хранить оправдания Его»; «чтобы Господь изъял их от всякого лукавого и неподобного дела, от всякого дьявольского греха и всякого обстояния сопротивного»; «чтобы Он благословил входы и исходы их, всю жизнь их и домочадцев, чтобы Он благословил возрастание детей их и умудрил их довести до меры возраста»; «чтобы Он исправил им все предлагаемое к пользе».

Очевидно, что оглашаемые в IV в. не были некоей абстракцией. За этими прошениями стоят живые люди и определенная огласительная система. Во времена св. Иоанна Златоуста распространился обычай откладывать крещение на неопределенный срок, оставаясь при этом катехуменами первого этапа. Понятно поэтому, что конкретные люди нуждались в молитве об их конкретных повседневных нуждах: входах и исходах, домочадцах, детях. С другой стороны, эти прошения дают представление о том, что оглашение воспринималось древней церковью как процесс, имеющий свою логику и свои задачи.

Конечная цель оглашения — обретение истинной веры во Иисуса Христа, Сына Божия. Но никто не приходит ко Христу иначе, как через Отца. Язычники должны были прежде уверовать во Единого Бога, Святого миру. «Начало Премудрости — страх Господень»*. Поэтому первое прошение ектеньи было связано с дарованием страха (благоговения) Божия и укреплением веры. Люди, проходящие путь оглашения, призваны были в корне менять свою жизнь, порывать с привычками языческого прошлого. И только после того как они «выказывали достаточное желание вести праведную жизнь» [Ориген. Против Цельса. Цит. по: 3, с. 120],

* Притч 1:7

христиане вводили их в свое общение. Но для изменения жизни требовались время и духовные силы, а потому верные просили о даровании оглашаемым «духа божественного, целомудренного помысла и добродетельного жития».

Закон — детоводитель ко Христу, поэтому оглашение всегда понималось как обретение людьми языческого мира опыта исполнения заповедей, как создание фундамента, на котором можно было возводить здание христианской духовной жизни. Отсюда просьбы о пребывании в законе, о понимании заповедей, о хранении оправданий. По замечанию св. Иоанна Златоуста, между верными и катехуменами не могло быть настоящего духовного братства, так как катехумены еще не прошли обряда отречения от сатаны, не могли, подобно верным, называть Бога своим Отцом. Можно сказать, что катехумены еще не имели опоры для сопротивления злу, поэтому церковь молилась об изъятии их от всякого лукавого и неподобного дела, от всякого дьявольского греха и всякого обстояния сопротивного.

За молитвой верных следовала молитва самих оглашаемых, которые к этому моменту поднимались с земли. В настоящее время молитва оглашаемых сведена к двум прошениям: «Оглашаемые, помолитесь Господу» и «Оглашаемые, главы ваши пред Господом преклоните». Во времена св. Иоанна Златоуста прошения были обширнее и конкретнее: «Просите ангела мира; просите дать вам прочее время жизни мирное; просите даровать вам настоящий день мирный и все дни жизни вашей; просите христианской кончины жизни вашей; просите доброго и полезного... предайте сами себя Живому Богу и Христу Его» [5, с. 71–72].

За молитвой оглашаемых следовала молитва об оглашаемых. В константинопольской церкви патриарх уходил в алтарь, читал там молитву о готовящихся к просвещению, дьякон же в это время говорил соответствующую ектенью. Та же практика отражена св. Германом Парижским в «Кратком изложении древней Галликанской литургии»³:

Итак диакон вызывает к оглашенным по древнему церковному чину для того, чтобы как иудеи, так и еретики, и оглашенные язычники, которые приготавливались ко крещению и прежде крещения допускались стоять в Церкви и слушать поучения Ветхого и Нового Завета, — а потом диаконы молились

3. Памятник VII в., отражающий богослужебную традицию, возникшую после III в.

за них и священник произносил молитвы (collecta), — после молитвы выходили вон, как недостойные стоять тогда, когда совершается таинство [12, вып. 5, с. 39].

Следует указать, что в некоторых литургических чинах, как, например, в Литургии Преждеосвященных Даров, сохранились две молитвы: одна об оглашаемых, другая о просвещаемых. Это отражает практику древней Церкви, когда пост был временем подготовки всей Церкви к принятию новых членов, и в дни, предшествующие Рождеству и Пасхе, катехумены первого этапа становились просвещаемыми.

И, наконец, после молитвы и ектеньи об оглашаемых обычно следовало епископское благословение, сопровождавшееся возложением (простираaniem) рук. В более древней практике возложение рук не было прерогативой епископа. Так, в «Апостольском Предании» св. Ипполита Римского говорится, что право возложения рук на оглашаемых первого этапа принадлежит учителю, вне зависимости от того, клириком или мирянином он является: «Когда учитель после молитвы возложит руки на оглашенных, то пусть помолится и отпустит их. Клирик ли тот, кто учил, или мирянин — пусть делают это так» [9, т. 2, с. 249]. Однако ежедневное возложение рук на просвещаемых производилось только епископом: «Когда приближается день, в который они будут крещены, епископ заклинает каждого из них, чтобы узнать, чист ли он» [там же, с. 250].

Согласно 19-му правилу Лаодикийского собора (364 г.), «после бесед епископских сначала совершается молитва оглашенных, а потом, по выходе оглашенных, следует молитва кающихся: когда же и сии, приняв возложение руки, удалятся, тогда совершаются и три молитвы верных» [цит. по: 5, с. 191].

По чину оглашения Великой Константинопольской церкви после молитвы и ектеньи о готовящихся ко просвещению «патриарх благословляет каждого оглашенного, читается молитва главопреклонения и произносится “аминь”» [5, с. 191].

Согласно «Апостольским постановлениям», епископ благословлял катехуменов, произнося имя каждого в отдельности. Все прихожане откликались на его благословение словами «Господи, помилуй» [3, с. 211]. Это свидетельствует о том, что оглашение воспринималось как общецерковное дело, и катехумены не были в церкви безликой толпой — верные знали большинство из них поименно.

Возвращаясь к современной церковной практике, нужно сказать, что наличие в богослужении элементов, предназначенных для оглашаемых, трудно истолковать однозначно. Совершаемый в православных храмах в настоящее время чин литургии включает в себя особую ектенью и молитву за оглашаемых. При отсутствии в храмах самих оглашаемых эти элементы, по мнению архим. Киприана (Керна), свидетельствуют, что в жизни церкви «есть что-то несоответствующее действительности, что-то титулярное, ненастоящее» [5, с. 189]. Протопр. Александр Шмеман, признавая анахронизм и даже номинализм этих молитв, однако задается вопросом: «Что следует видеть в молитвах оглашенных? Только отмерший чин или существенную часть строя христианского богослужения?» [15, с. 101]. Отвечая на этот вопрос, он пишет, что ближе к истине второе, «ибо молитвы об оглашенных суть прежде всего литургическое выражение самого основного призвания Церкви, а именно — Церкви как миссии» [там же]. Можно предположить, что возрождение катехумената повлечет за собой некоторое изменение литургического строя Церкви, и в первую очередь, активное возвращение в богослужебные чины элементов, предназначенных для оглашаемых.

Литература

1. Арранц М. Крещение и Миропомазание. Таинства византийского евология. Рим, 1998.
2. Арранц М. Литургика: Курс лекций. М., 1996.
3. Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / Под ред. свящ. Г. Кочеткова. М., 2001.
4. Голубцов А.П., проф. Из чтений по церковной археологии и литургике. Сергиев Посад, 1918.
5. Киприан (Керн), проф.-архим. Евхаристия: Из чтений в Православном богословском институте в Париже. Репр. воспроизведение изд. 1947 г. М., 1992.
6. Киприан (Керн), архим. Литургика. Гимнография и эортология. М., 1997.
7. Кочетков Г., свящ. Православное миссионерство. Опыт современного миссионерского прихода // Миссия Церкви и современное православное миссионерство. М., 1997. С. 99–117.
8. Кочетков Г., свящ. Таинственное введение в православную катехетику: Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним: Диссертация на степень *maitrise de theologie*. М., 1998.

9. Отцы и учителя Церкви III века: Антология: В 2 т. М., 1996.
10. Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 2–4. М., 2008.
11. Скабалланович М. Толковый типикон. Вып. 1, 2, 3. Репр. воспроизведение изд. 1910–1913 гг. М., 1995.
12. Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык / Под ред. Е. Ловягина. Вып. 4 и 5. Репр. воспроизведение изд. 1877 г. М., 1999.
13. Уайбру Х. Православная Литургия: Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. М., 2000.
14. Шмеман А., протопр. Введение в литургическое богословие. М., 1996.
15. Шмеман А., протопр. Евхаристия: Таинство Царства. Изд. 2-е. М., 1992.